

Мы вглядываемся в наше прошлое всё пристальнее, оттого, что хочется вернуть то время, когда была некая полнота русской национальной жизни. Мы просто обязаны возвратиться к тому верстовому столбу, откуда мы свернули не на ту дорогу. Взглянуть на мир с той невозвратной точки, за которой случится братоубийственная война, начнутся невиданные страдания русского народа, произойдёт передел земли, безвозвратные потери в отечественной культуре, образовании.

Вернёмся же в 70-е — 80-е годы позапрошлого века. Мои собеседники — Сергей Александрович Рачинский (1833–1902) — ординарный профессор Московского университета, родовитый дворянин, выходец из польской шляхты, надворный советник, соратник обер-прокурора Священного Синода К.П. Победоносцева, и наконец, создатель образцовой народной церковно-приходской школы, и Фёдор Михайлович Достоевский (1821–1881) — великий русский писатель, в представлении не нуждающийся. Оба они — славянофилы, посвятившие жизни служению идеалам славян.

О Рачинском буду говорить гораздо больше, поскольку пишу эти строки из усадьбы на Смоленщине (теперь это Тверская область), из той родовой земли, где жили мои прадеды, — рядом с этим великим человеком, названным ещё при жизни учителем века, — были его учениками и соратниками.

1870-е годы. Профессор Московского университета Сергей Александрович Рачинский оставил созданную им кафедру Физиологии растений и принял за школьное дело в окрестностях своего имения Татево Бельского уезда Смоленской губернии.

Фёдор Михайлович Достоевский, в то время уже автор романов «Идиот», «Бесы», «Преступление и наказание», трудится в журнале «Гражданин», откликается в своём «Дневнике писателя» на самые животрепещущие события своего времени, будь то спор славянофилов и западников, Восточный вопрос и стихийное движение русских людей послужить делу освобождения славян, судебные дела, касающиеся жестокого отношения к детям, самоубийства среди молодёжи, сектантство и увлечение спиритизмом... (Оторопь берёт: насколько сегодня всё повторяется!)

Надо сказать, что тот традиционный русский образ жизни, основанный на православии, от которого Рачинский никогда не уходил, несмотря на то, что несколько лет прожил в Европе и был обласкан светским обществом, Достоевский выстрадал на каторге, в ссылке, и даже представ перед лицом смерти. Этих вероящих в сторону революционной демократии не избежало большинство наших писателей и философов. Рачинский оттого и дорог мне лично, что в нём сошлись нравственная мощь, твёрдость в стоянии на консервативных позициях, смирение и желание служения Богу, Отечеству, своему народу.

И Фёдор Михайлович Достоевский, и Сергей Александрович Рачинский получили самое лучшее домашнее воспитание и были прекрасно образованы с ранней юности, переводили произведения из мировой классики, публиковались в жур-

налах тех лет. А главное — они поняли до глубины народную душу, народные нужды, и это понимание уже в зрелости давало им возможность видеть будущность России, пути её национального развития. В первую очередь это развитие, как представлялось им, заключалось в единении образованных классов с простым народом, с крестьянством. Только благодаря культурному и духовному взаимообогащению образованного класса и трудового народа русское общество XX века должно было стать в равной мере образованным и воцерковлённым.

В годы учёбы в Германии С.А. Рачинский познакомился с деятельностью профессора Йенского университета Карла Стоя — основателя нескольких учебных заведений, практику которого изучал и Константин Ушинский. Свои наблюдения Рачинский изложил в статье «Институт Стоя в Йене», где высказал актуальную и сегодня мысль о том, что воспитание любого народа должно быть национально ориентированным и современным.

Взявшись за школьное дело, С.А. Рачинский смог воспитать более сорока учителей и несколько священников, среди которых протоиерей Александр Васильев, духовник и законоучитель царских детей. Так же, как и Достоевский, Рачинский был убеждён, что ближе всего к народу стоит духовенство. Затем — сельский учитель. Именно на них, и именно на вышедших из крестьян священника и учителя возлагали надежды два этих великих человека. Один — в своих произведениях, в формировании общественного самосознания, другой — на практике.

С.А. Рачинский писал: «Та высота, та безусловность идеала, которая делает русский народ народом христианским по преимуществу, которая в натурах спокойных и сильных выражается безграничной простотою и скромностью в совершении всякого подвига, доступного силам человеческим; которая в натурах страстных и узких ведет к ненасытному исканию, часто к чудовищным заблуждениям; которая в натурах широких и слабых влечет за собой преувеличенное сознание своего бессилия и, в связи с ним, отступление перед самыми исполнимыми нравственными задачами, необъяснимые глубокие падения; которая во всяком русском человеке обуславливает возможность внезапных победоносных поворотов от грязи и зла к добру и правде, — вся эта нравственная суть русского человека уже заложена в русском ребенке. Велика и страшна задача русской школы в виду этих могучих и опасных задатков, в виду этих сил и слабостей, которые она призвана поддержать и направить. Школе, отрешённой от Церкви, эта задача не по силам. Лишь в качестве органа этой Церкви, в самом широком смысле этого слова, может она приступить к её разрешению. Ей нужно содействие всех наличных сил этой Церкви, и духовных, и светских...».

Подобное этому излагает и Ф.М. Достоевский: «Наш народ хоть и объят развратом, а теперь даже больше, чем когда-либо, но никогда ещё в нём не было безначалия, и никогда даже самый подлец в народе не говорил: “Так и надо делать, как я делаю”, а напротив, всегда верил и воздыхал, что делает он скверно, а что есть нечто гораздо лучшее, чем он и дела его. А идеалы в народе есть и сильные, а ведь это главное: переменяются обстоятельства, улучшится дело, и разврат, может быть, и соскочит с народа, а светлые-то начала всё-таки в нём останутся незыблеем и святее, чем когда-либо прежде»¹.

Так представлял себе свою задачу на поприще просвещения С.А. Рачинский: «...Положение нашей Церкви опасно. Опасно оно не для самой Церкви — её победоносная жизненность проявляется и теперь для всякого, кто имеет

¹ Достоевский Ф.М. «Дневник писателя». М., 1989. С. 142.

глаза, чтобы видеть, уши, чтобы слышать. Оно опасно для тех, которые от нее отпали. Не тайным ли сознанием этой опасности объясняется позорное равнодушие нашей интеллигенции к делу образования нашего народа, её торопливая жажда захватить внешнюю власть, за неимением внутренней. Спасти эту интеллигенцию от гибели, которую она себе готовит, могут только дружные усилия людей мыслящих и верующих, неустанная их работа на почве Церкви, на почве школы. Медлить невозможно». Тон его письма не может скрыть тревогу. Рачинский писал из своего школьного, подобного монастырскому, затвора, и даже там он ощущал дыхание смуты, в которую погружалось предреволюционное русское общество.

«Просвещение народа, — говорит Ф.М. Достоевский, — это, господа, наше право и наша обязанность, право это в высшем христианском смысле: кто знает доброе, кто знает истинное слово жизни, тот должен, обязан сообщить его не знающему, блуждающему во тьме брату своему, так по Евангелию»².

Евангелие было единственной книгой Достоевского четыре долгих года его ссылки. Испещрённое пометами писателя, оно перевернуло его жизнь. Евангелие изучал и писал к нему свои комментарии для учеников и Рачинский. «До обеда дописал гл. XVIII главу от Матфея. Вечером хотел показать детям волшебный фонарь, но винт оказался испорченным, и опять занялся Евангелием. В больнице работы так много, что придётся усилить персонал ещё одною фельдшерницею»³, — читаем в дневниках Рачинского.

Достоевский не устаёт повторять то, что народ и сам знает: «ученье — свет, а неученье — тьма». Чему же могут научить народ господа? Уничтожению предрассудков и низвержению идолов? — спрашивает писатель. Так в нас самих, отвечает он, бездна предрассудков и идолов. Самоуважению, собственному достоинству? «Но народ наш, весь, в целом своём, гораздо более нашего уважает себя, гораздо глубже нашего чтит и понимает своё достоинство».

О педагогическом таланте в русских детях и об их нравах С.А. Рачинский писал: «В прямой связи с этим деловым направлением наших школьников находится их отличное, бодрое и веселое, но скромное и ровное поведение в школе. Им не до шалостей, не до ссор. В них нет и следа того отвратительного сквернословия и скверномыслия, которыми заражены наши городские учебные заведения, в особенности столичные. В нормальной крестьянской жизни нет места тем преждевременным возбуждениям воображения, тем нездоровым искушениям мысли, которыми исполнен быт наших городских классов. Русский народ, вошедший в поговорку своим сквернословием, в сущности, самый стыдливый народ в мире. Грязь в глазах русского человека есть грязь. Когда в нём проснётся зверь, живущий в каждом человеке, он кидается ею. Но пока он трезв, пока он остаётся сам собою, он чист в мыслях и словах. Гаденькая, любезничающая грязноватость, проникнувшая из Франции в нравы нашего полуобразованного общества, в нашу литературу низшего разряда — глубоко ему чужды. Каждый наш крестьянский мальчик — такой, ещё не испорченный русский человек»⁴.

Достоевский же вторил ему, вспоминая случай, когда офицеры, будучи убеждёнными, что вышедший из народа русский солдат любит сквернословить, на учениях взяли моду ругаться самыми скверными словами, что солдаты буквально

²Достоевский Ф.М. «Дневник писателя». М., 1989. С. 367.

³«Народное образование», сентябрь 1909. Т. II, кн. 9. С. 169.

⁴«Сельская школа», СПб, 1891. С. 17

краснели от их ругательств. О русском народе автор «Преступления и наказания» писал: «По понятиям народа, то, что пакостно на миру, пакостно и за дверями».

С.А. Рачинский приступил к школьному делу с пониманием того, что «вопрос о современной русской школе не есть вопрос технический и частный, зависящий от более или менее успешной деятельности того или другого правительственного ведомства, не есть вопрос программ и более или менее практически устроенного надзора. Это — вопрос роковой и грозный. От качеств ныне подрастающих русских поколений зависят судьбы мира», — писал он⁵.

Если мы обратим внимание на то, как Достоевский излагает программу передовых славянофилов, то станет очевидным, что она единит их с установками Рачинского: «Россия, вкупе со славянофильством и во главе его, скажет величайшее слово всему миру, которое тот когда-либо слышал, и это слово именно будет заветом общечеловеческого единения...»⁶

В.Г. Георгиевский писал в биографии татевского учителя: «Рачинский показал, что высшая наука совместима с глубокой религиозностью, — и церковность, ставши основой начальной народной школы, способна дать ей особую жизненную силу, так, что народ русский, получив просвещение в духе христианства, под постоянным благодатным воздействием Церкви православной, носительницы православного духа, может явиться единственным в мире народом, который способен будет сказать своё жизненное слово прочим народам Востока и Запада, ждущим нового откровения». И верно: у Рачинского в школе учились латыши, готовились к поступлению в духовные училища японцы, обращённые в православие архиепископом Николаем (Касаткиным) Японским, Троицкий храм расписывал сын наполеоновского солдата, укоренившегося в России, которая дала его детям прекрасное образование...

Татевский учитель сам преподавал арифметику и грамматику, пение и рисование, географию и ботанику, предполагал ввести экспериментальную физику. Мальчики учились в школе столярному делу, девочки вышиванию и кружевоплетению. Важными дисциплинами в школе были цветоводство и пчеловодство. То есть дети, заканчивающие школу, имели уже навыки ведения домашнего хозяйства, а часто и начальную профессиональную подготовку.

С 1878 г. татевская школа имела статус церковно-приходской. В 1870-1880-е гг. была четырёхгодичной, а с 1898 года — шестилетней. Учебный год в сельских школах, устроенных Рачинским, начинался 1 (14) октября, после уборки урожая. Усваивали грамоту дети с изучения церковнославянского языка. Почувствовав его, осознав преимущество, детям легче было писать и читать на русском языке. Владение речью предков развивало творческие способности детей, формировало их нравственно и эстетически.

Еще тогда, в 1877 г., Достоевский писал: «Не слишком ли много формализма и сухой бессердечности вносится у нас в дело воспитания?» Рачинский, подспудно понимая это, организовывал школьную жизнь бесконечно живой и соприродной с крестьянским бытом: он организовывал школьные походы в Нилову пустынь, сам огородничал и делился своим опытом с учениками и их родителями.

В школе Рачинского распорядок дня был устроен так, чтобы дети вечерами имели возможность читать. Их круг чтения составляли рассказы Льва Толстого, «Записки охотника» Тургенева, «Песнь про купца Калашникова» Лермонтова,

⁵Рачинский С.А. *Сельская школа*. СПб., 1902. С. 278.

⁶Достоевский Ф.М. *«Дневник писателя»*. М., 1989. С. 371.

гоголевские «Тарас Бульба» и «Ночь перед Рождеством», «Ундина» Жуковского, «Семейная хроника» Аксакова, произведения Пушкина, среди которых особое внимание занимала «Капитанская дочка». Творчество А.С. Пушкина татевский учитель сравнивал со всемогущим талисманом, раздвигающим для всякого грамотного тёмные пределы времени и пространства. «Наше образованное общество недостойно такого поэта!», — писал Рачинский.⁷

Поразительна переключка Рачинского и Достоевского в их суждениях о Пушкине. Достоевский заглянул глубже (вспомним его речь, произнесённую в Обществе любителей российской словесности в 1880 г. «Пушкин»): «По-моему, Пушкина мы ещё и не начинали узнавать: это гений, опередивший русское сознание ещё слишком надолго. Это был уже русский, настоящий русский, сам, силою своего гения переделавшийся в русского, а мы и теперь всё ещё у хромого бочара учимся. Это был один из первых русских, ощутивший в себе русского человека всецело, вызвавший его в себе и показавший на себе, как должен глядеть русский человек, — и на народ свой, и на семью русскую, и на Европу, и на хромого бочара, и на братьев славян»⁸.

Вслед за Пушкиным, так глядели на свой народ Достоевский и Рачинский. «Пора нам вспомнить, — писал татевский учитель, — что у нас под ногами есть общая почва, и твёрдо, и сознательно встать на неё. Пора сознать, что настало время взаимодействия, благотворного для обеих сторон, не только мгновенного, случайного взаимодействия и единения, которое вызывается событиями чрезвычайными, а взаимодействия постоянного, ежедневного. Почва этого взаимодействия, этого единения — Церковь; орудие его — школа, и по преимуществу — школа сельская»⁹.

Примечательно, что крестьяне на приходе Троицкой церкви в усадьбе Рачинских (а это две тысячи человек)¹⁰ нанимали регента, чтобы разучить «Обедню» Петра Ильича Чайковского и успешно исполняли её на радость и удивление учителя Рачинского. Таков был уровень культуры простого народа, такова была высота его духовных устремлений.

И вот пример из семейного быта Достоевских: когда у них сгорела вотчина, няня Алёна Фроловна, которая «всех детей выходила», сказала матери: «Коли надо вам будет денег, так уж возьмите мои, а мне что, мне не надо...»

В 17 лет выпускники школ, устроенных Рачинским, сдавали специальный экзамен Комиссии при средних учебных заведениях и получали звание сельских учителей. Сначала работали помощниками учителя, а затем старшими учителями. Некоторые из них принимали духовный сан, были чтецами, дьяконами.

В 1916 г. вышла книга Александра Ивановича Миловидова «Памяти С.А. Рачинского». Он рассказал о своей встрече с татевским учителем в Троице-Сергиевой лавре, куда приезжал, окончив Тульскую духовную семинарию. Молодой человек стоял перед выбором дальнейшей деятельности: учительство, священство или академия. В Лавре, на скамеечке перед домом отца Варнавы Гефсиманского молодой человек разговорился с господином. Тот сказал ему, «какое важное значение имеет в настоящее время служение в сельской школе, которая должна стоять под покровительством Церкви, т.к. России нужен идейный сельский учи-

⁷«Сельская школа». СПб, 1891. Стр. 53.

⁸Достоевский Ф.М. «Дневник писателя». М., 1989. С. 391.

⁹«Сельская школа», СПб, 1891. Стр. 92.

¹⁰Историко-статистическое описание церквей и приходов Смоленской епархии. Выпуск 1-й. Бельский уезд. — Смоленск, 1915.

тель, любящий народ и его детей»¹¹. Этим учителем был Сергей Александрович Рачинский.

У меня нет точных сведений, знал ли Достоевский о деятельности Рачинского (об одном из Рачинских он упоминает в своём «Дневнике»). Однако, вот эта его запись даёт точный портрет Сергея Александровича: «Учитель — это штука тонкая; народный, национальный учитель вырабатывается веками, держится преданиями, бесчисленным опытом. <...> Человек идеи и науки самостоятельной, человек самостоятельно деловой образуется лишь долгою самостоятельною жизнью нации, вековым многострадальным трудом её — одним словом, образуется всюю историческою жизнью страны»¹².

В трудах же Рачинского нередко встречаются упоминания работ Ф.М. Достоевского. К примеру, в «Заметках о сельских школах» (1881 г.). «На место разных проходимцев, занимающихся теперь ремеслом обучения ребят, станут грамотные крестьяне тех же деревень, ученики приходской школы, действующие в её духе и под её руководством. <...> Ту же мысль высказывал и покойный Ф.М. Достоевский»¹³.

Народная школа, по мнению Рачинского, создавалась исключительно силой народного духа, её направления и формы вырабатывались под давлением требований, предъявляемых к ней со стороны родителей учеников, отражая их духовные запросы. Видя могущество народного влияния на школу, Сергей Александрович твёрдо верил: «Современная Россия не вся в поругании святыни, в хищениях и глумлениях, во лжи адвокатских речей и журнальных писаний, в тупом разгуле кабака и в откровенном разврате образованных классов. Есть течения иные, сокровенные и глубокие, есть чистые люди, есть добрые дела...»¹⁴.

«Не раз уже приходилось народу выручать себя! Он найдёт в себе охранительную силу, которую всегда находил; найдёт в себе начала, охраняющие и спасающие, — вот те самые, которых ни за что не находит в нём наша интеллигенция. Не захочет он сам кабака; захочет труда и порядка, захочет чести, а не кабака!...»¹⁵, — писал Достоевский.

Из нескольких сотен учеников Рачинского вышел только один революционер, и тот до конца жизни (по свидетельству его потомков) хранил Евангелие, подаренное ему учителем за школьные успехи. В своей статье «О первоначальном народном обучении» Рачинский писал: «...весь вопрос в том: дадим ли мы ему таких проводников, которые будут для него не более, как просветителями в собственном смысле, то есть помогут ему только сознательно утвердиться в таких же преданиях и обычаях, которые до сих пор он признавал слепо? Или же предоставим общественному меньшинству, колеблемому всяким ветром учения, и в настоящую минуту случайно настроенному противоположно исконным русским началам, вывести народ на совершенно новую дорогу, которой и конца не видно?»¹⁶.

Об этом же тревожился и Достоевский, имея в виду социализм, он писал, что мы «до того уже оторвались от своей земли русской, что уже утратили всякое понятие о том, до какой степени такое учение рознится с душой народа русского».

Это понимали и последние русские цари, в чью эпоху была проложена Транс-

¹¹Миловидов А. И. Памяти С.А. Рачинского. Пг., 1916. С. 4.

¹²Достоевский Ф.М. «Дневник писателя». М., 1989. С. 81

¹³Рачинский С.А. «Народная педагогика». М. 2019. С. 87.

¹⁴Рачинский С.А. Сельская школа. СПб., 1902. С. 275.

¹⁵Достоевский Ф.М. «Дневник писателя». М., 1989. С. 83.

¹⁶«О первоначальном народном обучении». СПб, 1883.

сибирская магистраль, открыты и ныне действующие университеты, небывалой высоты достигла наука и религиозная философия.

А ещё это было время, когда правители великой империи прислушивались к таким тихим подвижникам, как Рачинский. На письмо Победоносцева 1880 г., где тот сообщает будущему государю о деятельности Рачинского, пересылая его письма, цесаревич Александр Александрович ответил в тот же вечер: «... Действительно, отраднo читать их. Как завидуешь людям, которые могут жить в глуши и приносить истинную пользу и быть далеко от всех мерзостей городской жизни, а в особенности петербургской. Я уверен, что на Руси немало подобных людей, но о них не слышим, и работают они в глуши тихо, без фраз и хвастовства»¹⁷.

«С реформами нынешнего царствования, — отмечал Достоевский время Александра III, — естественно началось изучение и познание нужд народных уже деятельно, в живой жизни, а не закрыто и отвлечённо, как прежде»¹⁸.

И дальше в связи с этим он констатирует: «Таким образом получается новый, ещё неслыханный слой русской интеллигенции, уже понимающей народ и почву свою». Это сказано ни больше ни меньше — о Рачинском.

Александр III посылает С.А. Рачинскому через К.П. Победоносцева 600 рублей на содержание больницы и 1500 рублей на строительство нового здания лечебницы. К сведению, полезно знать, что царский рубль был равен 1289 нынешних рублей. (Пересчёт сделан Российской счётной палатой.) Позже государь Николай II назначил Рачинскому годовое содержание в 2 тысячи рублей, а императрица Александра Фёдоровна прислала в татевскую школу фисгармонику. Простое человеческое участие, чего так не хватает сегодня.

Быть может, единственное, в чём состоит отличие образа мыслей и душевного строя двух великих современников: у Достоевского мы находим всегдашнюю тоску по великой мысли, по великой вере в эту мысль, призыв к подвигу; Рачинский же — это бесстрастный философский ум, в своём монашеском смирении подъявший труды, в какой-то мере равные апостольским. Поэтому его и называли апостолом трезвости, школьным апостолом.

Завершая эту вязь размышлений по поводу деятельности двух подвижников второй четверти XIX в., надо отметить, что у нас вовсе не изучена ни царская школа, ни консервативная мысль тех лет, ни народная жизнь, а значит, мы снова обречены наступать на те же грабли, ходить по кругу, в чертог теней возвращаясь. Потому что, как писал Достоевский, «ведь у нас лишь редчайший человек знает нашу Россию».

Хочется поклониться великому писателю и великому учителю — нашим соотечественникам — за их правду, за подвиг их жизни!

Они, как и большинство благородных сынов Отечества, верили в свой народ. А вот что стало с народом, что стало с нами — это тема другого разговора. На этот вопрос интуитивно отвечали своим творчеством в середине XX века Николай Рубцов, а к концу прошлого века, в 80-е гг. — Михаил Лобанов, Георгий Свиридов, Юрий Селезнёв...

¹⁷«С.А. Рачинский и его школа». Jordanville, 1956

¹⁸Достоевский Ф.М. «Дневник писателя». М., 1989. С. 378-379.